

Культура и искусство

Правильная ссылка на статью:

Чебакова П.А. Фигуры «с их гербовыми щитами представляющие царства, великия княжества и прочия Российския империи области и провинции»: персонификации территорий в русском искусстве XVIII века // Культура и искусство. 2024. № 5. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.5.70721 EDN: WVAIXE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70721

Фигуры «с их гербовыми щитами представляющие царства, великия княжества и прочия Российския империи области и провинции»: персонификации территорий в русском искусстве XVIII века

Чебакова Полина Александровна

ORCID: 0000-0003-4614-6964

ассистент, институт истории; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

✉ p.chebakova@spbu.ru

[Статья из рубрики "История искусств"](#)

DOI:

10.7256/2454-0625.2024.5.70721

EDN:

WVAIXE

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2024

Дата публикации:

22-05-2024

Аннотация: Персонификации территорий – часть богатого иносказательного языка барокко, которая прочно вошла в русское изобразительное искусство XVIII века. Если персонификация России рассматривалась исследователями, то персонификациям территорий Российской империи до сих пор не было уделено специального внимания. Аллегорические фигуры территорий Российской империи рассматриваются в статье на материале разных видов искусства и с привлечением сведений из печатных изданий (лексикона О. Лакомба де Презеля, описаний придворных торжеств). В искусстве получили отражение как современные административные единицы (города, крепости, наместничества), так и исторические, а именно Казанское, Астраханское, Сибирское и

Московское царства, причем последние среди всех аллегорических фигур территорий имели самый высокий статус и самое большое значение. В статье рассмотрена иконография персонификаций территорий Российской империи, которая в большинстве случаев была вариацией иконографии персонификации России. Главным отличительным признаком таких фигур был гербовый щит. Отступления касались одежды (персонификации территорий могли представить полуобнаженными, тогда как персонификация Российской империи представала в целомудренном одеянии) и атрибутов власти (короны, царские мантии полагались только самым значимым из них, а именно персонификациям царств или наместничеств). Персонификации царств, имевшие самый высокий среди территорий империи статус, появлялись в произведениях в честь первостепенных для Российской империи событий. Остальные персонификации территорий (исторические области, города, крепости) обычно появлялись в искусстве по случаю их присоединения или на утилитарных предметах – картах. В композициях, посвященных присоединению территорий, воплощением государства-победителя могла быть мужская персонификация, в то время как аллегория побежденной земли – это чаще всего женская фигура.

Ключевые слова:

аллегория, персонификация, территории Российской империи, персонификация Российской империи, Казанское царство, Астраханское царство, Сибирское царство, русское искусство, искусство восемнадцатого века, персонификации территорий

К началу XVIII века Российское государство обладало обширной территорией, которая на протяжении столетия еще более увеличилась. Территориальные приращения этой эпохи не столь значительны, как в XVII столетии. Однако рост державной мощи России при Петре I, выразившийся в победе в Северной войне, позволил Сенату и Синоду в 1721 году провозгласить российского монарха императором [\[1, с. 34-39\]](#). Этот титул символически зафиксировал новое, исключительно высокое положение страны на мировой арене [\[2, с. 75-76\]](#).

Административное деление Российской империи на протяжении XVIII века несколько раз менялось. Как считает Д.А. Хитров, до 1775 года основой административно-территориального деления империи оставалась система деления на уезды [\[3, с. 137-158\]](#). В 1708 году Петр I осуществил административную реформу, в результате которой в России древнерусские единицы управления, уезды, были объединены в новые крупные территориальные единицы – губернии. В 1719 году появились провинции – промежуточное звено между крупными губерниями и дистриктами (сменившими уезды), на которые провинции подразделялись. В 1727 году дистрикты были исключены из системы, при этом уезды восстановлены. Очередная реформа была проведена полвека спустя Екатериной II [\[3, с. 137-158\]](#). В 1775–1783 гг. деление на провинции ушло в прошлое, число губерний было значительно увеличено для облегчения их управления, а сами губернии в большинстве своем сменились наместничествами. По словам О. Глаголевой, «меняющиеся на протяжении XVIII века границы регионов и даже термины, характеризующие структурные особенности административного распределения территорий (дистрикт, уезд, провинция, губерния, наместничество) размывали четкость понимания их административной принадлежности» [\[4, с. 80-81\]](#). Административные границы также отличались изменчивостью; регионы Российской империи, по словам В.

Сандерленда, были «динамическими и изменчивыми системами отношений» [\[5, с. 7-29\]](#).

Главными титульными объектами, помимо Москвы, уже в конце XVII века считались Владимир, Новгород, Киев, Казань, Астрахань, Сибирь [\[6, с. 100\]](#). Территории в составе империи XVIII века также вследствие разных причин имели неодинаковый статус, что было отражено в полном императорском титуле. Как указывает Е.В. Болтунова, первым по символической значимости рядом территорий были «исторические» земли, столицы Руси – Москва, Киев, Владимир, Новгород. Вторым по значимости кругом земель были царства. Сразу после 3 царств Екатерина II отразила в титуле еще одну присоединенную ею историческую область – Херсонес Таврический. К устойчивой триаде царств («Казань-Астрахань-Сибирь») [\[7, с. 130\]](#) при Александре I после Астрахани добавилось Царство Польское, хотя обычно присоединенные территории встраивались в структуру титула в конце, не нарушая последовательности устойчивых сочетаний [\[8, с. 393-395\]](#). Далее следовали великокняжеские земли. Как подчеркнула Е.В. Болтунова, «исторические земли и царства всегда были наиболее значимыми элементами титулатуры и неизменно доминировали в визуальной репрезентации территорий империи» [\[8, с. 394\]](#).

Титул во многом не совпадал с административным делением. Например, вместо Сибирского царства, имевшего особое символическое значение, реальной административной единицей управления была Сибирская губерния.

Территориальные единицы Российской империи – как исторические, так и современные – получили отражение в искусстве XVIII века. Самым распространенным способом визуального представления иерархии территорий внутри Российской империи были гербы [\[9, с. 190\]](#), которые обозначали принадлежность территории к государству или всю страну в целом. Согласно последовательности перечисления в титуле правителя гербы земель помещались в аллегорических композициях: первыми столицы, затем царства и остальные территории. Например, таковы портреты государей в обрамлении из гербов: гравированные изображения Петра II (И.Ф. Зубов, 1728), Анны Иоанновны (неизвестный московский гравер, гравюра офортом), а также гравированный герб Российской империи времени Елизаветы Петровны (неизвестный московский гравер середины XVIII века, РНБ, инв. № Э Олс/7-1326) [\[10, с. 213-214, 217\]](#). Иногда гербы могли сопровождать аллегория России: во время торжественного шествия в Вологде по случаю мира с Османской Портой 10 июля 1775 года [\[11, с. 330\]](#) «*во круг торжествующей России изображены были гербы: Московской, Киевской, Владимирской, Новгородской, Казанской, Астраханской, Сибирской и проч.*» [\[12, с. 532\]](#).

Еще одно символическое воплощение территории – изображение короны (или царского венца, «шапки») [\[13, с. 243-246\]](#), символизирующей территориальную единицу, в церемониале [\[14, с. 179-181\]](#) и в парадном портрете [\[15, с. 279\]](#).

Наконец, это были и персонификации территорий, наиболее распространенное воплощение.

Совокупность аллегорических фигур – и Российского государства, и территорий империи – была отражением титулатуры российских правителей в искусстве. Если персонификации России в отечественном искусствознании было уделено внимание, то персонификации территорий в русском искусстве XVIII века попадали в поле зрения исследователей лишь эпизодически. Цель статьи – выявить случаи появления этих аллегорических фигур в произведениях искусства (отдельно или совместно с

персонификацией России) и охарактеризовать их. Задачами, соответственно, стали описание их иконографии, сопоставление с аллегорической фигурой страны и анализ их особенностей в конкретных произведениях русского искусства.

Эти аллегорические образы создавали по аналогии с западноевропейским искусством, в котором к этому моменту существовало множество примеров персонификаций территорий. Первым изданием на русском языке, которое кодифицирует европейские визуальные образы территорий, стал «Иконологический лексикон» О. Лакомба де Презеля, опубликованный в 1756 году на французском языке и в переводе И. Акимова на русский — в 1763 году [\[16\]](#). Его перевод появился в России, когда в русском искусстве уже на протяжении долгого времени существовали персонификации территорий. В лексиконе были суммированы известные сведения об их иконографии, и он служил для художников вспомогательным изданием.

Персонификации стран, городов, областей имели схожую иконографию. Согласно переводу лексикона Лакомба де Презеля, *«Государства, Провинции и Города [...] обыкновенно представляются в виде женщины облокотившейся на щит, на котором изобразить должно герб той провинции или города, которые представлять намерен»* [\[16, с. 148\]](#); а *«естьли Рог Изобилия держит в руках символическая фигура какова нибудь города или провинции; оное показывает благополучное состояние тех мест»* [\[16, с. 254\]](#). Отдельные города часто становились персонажами аллегорических композиций. Например, Рим, *«столичной город Римския Империи, на медалях имеет точно теже самые признаки, какие придаются Палладе, богине войны. Рим представляется также и в виде Амазонки с открытыми грудями»* [\[16, с. 251\]](#).

Персонификации нередко изображали реки, которые могли по принципу географического нахождения символизировать город, крепость или близлежащую территорию. Реки представляли чаще всего *«в виде почтенных стариков [...] в тростниковых венцах, лежащих в камыше, облокотившихся на сосуды, из коих течет вода»* [\[16, с. 257\]](#). О. Лакомб де Презель фиксирует общий облик и наиболее распространенные атрибуты персонификаций территорий, указывая пол, но редко уделяя внимание одеянию, особенностям тела, чертам лица. В редких случаях, как, например, для рек, он указывает на возраст.

В русском искусстве персонификации территорий и культурно-географических понятий (четырёх частей света) появились на рубеже XVII–XVIII века благодаря завезенным западноевропейским образцам. Российскую империю, по аналогии с другими странами, воплощала особая персонификация, которая из всех аллегорических фигур территорий встречается в произведениях искусства наиболее часто и всегда служит для прославления страны и ее правителя [\[17\]](#). В большинстве случаев персонификация Российской империи представала одна. Однако встречался и тип изображений, где территории в составе государства тоже обозначались в виде персонификаций.

Наиболее значимыми в контексте имперской тематики были персонификации царств. Их было 4: это исконное **Московское** княжество (царство), а также **Казанское, Астраханское и Сибирское царства**, присоединенные в 1552, 1556 годах и во второй половине – конце XVI века [\[7, с. 124\]](#) соответственно. Изображения царств несли особое символическое значение в контексте государственной политики. Внешний облик и атрибуты этих персонификаций, судя по сохранившимся изображениям, были похожи на те, что были присущи персонификации страны. Их представляли чаще всего в виде

молодых женщин в античных одеяниях, с соответствующими гербовыми щитами, иногда со знаками власти (короны, мантии).

В «Символах и Эмблемах» Н.М. Амбодик-Максимовича (1788) Российская империя и Московское царство, а также его столица Москва, прямо отождествляются: *«Империя Российская, Россия, Русь, Москва, Московское царство представляется в образе жены величественного вида, в златотканной мантии и в короне Императорской, со стоящим возле нее щитом, на коем изображен черный двуглавный орел с коронами, а в груди оного всадник на коне, поражающий поверженного змея»* [18, с. 63]. Иногда Московское царство выступало не как синоним Российской империи, а как отдельная единица, вместе с другими царствами. В таких случаях Московское царство (княжество) обычно было похоже на главную государственную персонификацию. Существовал способ, которым могли отличить персонификацию царства от персонификации Российской империи. Это различие может быть проведено при помощи материала скульптурного изображения. В «Печальной зале» Елизаветы Петровны в углах трона («на четырех углах постава у одра») располагались медные скульптурные персонификации Казанского, Астраханского, Сибирского царств и великого княжества Московского в скорбном виде [14, с. 109], *«завешенные покрывами, оплакивающие смерть свою Самодержицы»*: «Убранная печальная зала» означала все *«Российское государство, сетующее и плачущее при гробе вселюбнейшая своя Самодержица Елизавета Первая»* [19, с. 87; 20, с. 141-142]. Напротив трона, *«на нижнем месте залы»*, представили и саму персонификацию Российской империи *«в образе позлащенной статуи в долгой печальной одежде с двумя отроками и с государственным гербом, оплакивающая смерть вселюбнейшая своя Самодержица; правою рукою указывает на стоящий пред собою с подобием Ея Величества блаженные памяти Государыни Императрицы на круглом щите изображенный монумент или гробницу из темнозеленого мрамора и сии следующие слова на российском языке золотыми буквами написанные: "С воздыханием произносит"»* [21, с. 110-111; 20, с. 144]. Из описания следует, что статуя Российской империи была выделена – отличена позолотой от персонификаций царств в ее составе, представленных в виде медных скульптур. Персонификации царств в церемониале похорон правителя появлялись и раньше, при погребении Анны Иоанновны (предположительно, инвентором обеих программ был Я. Штелин): четыре сидящие статуи у катафалка императрицы представляли царства Российской империи [19, с. 94].

До наших дней дошло немного изображений персонификаций царств: декорация придворных торжественных церемоний, фейерверков и триумфальных врат, где было наиболее вероятным их появление, не была долговечной. Получить представление об их облике можно очень редко, и один из таких случаев – иллюминация в Потешном дворце императрицы Елизаветы Петровны в честь ее коронации в 1742 г., где были *«от средней картины к правой стороне в отверстой зале изображены Россия с царствами и княжествами»* [22, с. 167]. Сцена эта осталась схематично запечатлена на гравюре из приложенных к коронационному альбому [23] изображений. Персонификация Российской империи здесь представлена во главе свиты, пришедшей к трону новой императрицы. Она облачена в пышное придворное платье (что для персонификации России редкость, обычно она изображается в одеяниях, подобных античным) с узором по нижнему краю и царскую мантию, на ее голове небольшая императорская корона. Правую руку она в знак любви и почтения подносит к груди. За ней следуют четыре аллегорические фигуры в античных туниках с накидками, каждая из которых обеими руками перед грудью держит свой гербовый щит. В Эрмитаже хранится раскрашенный вариант гравюры: на ней платье персонификации Российской империи – фиолетовое с желтой царской мантией, одеяние

персонификаций территорий – розового и голубого тонов, одна из них (Казань) представлена в розовой тунике с желтой накидкой (Г.А. Качалов, ГЭ, инв. № ЭРГ-25716). Вероятнее всего, аллегорических фигур территорий в самой иллюминации было больше – предположительно, их порядок и количество соответствовали началу титула Елизаветы Петровны. За Казанью, последней из 4 фигур, должны были следовать Астрахань и Сибирь – маловероятно, что на иллюминации было представлено только одно царство из трех в титуле императрицы. Подобные совместные изображения персонификаций важнейших территорий государства существовали в европейском искусстве. Яркий пример – это персонификации провинций Нидерландов, которые в том числе могли появиться вместе с персонификацией страны. Такова гравюра «Pacis Belgicae Monumentum» (автор оригинала – Ян Корнелис ван'т Вудт (Jan Cornelisz van't Woudt), 1609), на которой изображены семнадцать провинций Нидерландов перед Белгикой как аллегория Двенадцатилетнего перемирия и союза всех частей страны.

Ян Корнелис ван'т Вудт (автор оригинала). «Pacis Belgicae Monumentum». 1609.
Рейсмюсеум, инв. № RP-P-OB-68.248. Источник: © Rijksmuseum, Amsterdam.

В России персонификации царств чаще всего появлялись в придворных церемониальных праздниках и в монументальной живописи, по самым торжественным случаям, для прославления страны и правителя. Так, изображение персонифицированных четырех царств (Казанского, Астраханского, Сибирского, Московского) появилось по случаю коронационных торжеств Екатерины I в 1724 году, когда на Мясницких триумфальных воротах они были представлены приносящими имени государыни географическую карту земель Российского государства [24, с. 231]. Согласно описанию коронации Елизаветы

Петровны 1742 года, на «передней фасаде» Триумфальных ворот от Московского купечества в Земляном городе на Мясницкой улице [\[24, с. 108\]](#), как и в 1724 году [\[24, с. 31\]](#), тоже были изображены «четыре государства, Московское, Казанское, Астраханское, Сибирское со своими гербами», приносящие к имени правительницы «чертеж или карту Географическую, на которой изображены земли Российского государства. Надписание: Се достояние твое» [\[22, с. 144\]](#) (миниатюрное изображение этой картины есть на гравюре Г.А. Качалова, на которой представлен фасад триумфальных ворот). Внутри ворот, построенных от Святейшего Правительствующего Синода в Китай-городе по случаю той же коронации, описан плафон, на котором были представлены сходящий с небес промысел Божий со скрижалю с именем императрицы, «внизу же Россия с царствиями и княжениями своими в лицах приличных покланяются, с надписанием: Еже совещает Бог, кто раззорит, и руку Его высокую кто отвратит. Исаия гл. 19. Круг оной картины обложено золочеными рамами» [\[22, с. 141\]](#). Известно, что плафон Тронного зала Зимнего дворца Анны Иоанновны украшало подобное изображение России с царствами, созданное в 1732–1733 гг. Л. Караваком (по словам шведского ученого К. Р. Берка в «Путевых заметках о России» [\[25\]](#)): «Плафон покрыт живописью по холсту [...]. Роспись выполнена придворным художником Караваком [...]. Сюжет на середине потолка – вступление ее величества на престол. Религия и Добродетель представляют ее России, которая на коленях приветствуя ее, вручает ей корону. Духовное сословие и царства Казань, Астрахань, Сибирь, а также многие татарские и калмыцкие народы, признающие власть России, стоят рядом, выражая свою радость» [\[26, с. 248\]](#). Здесь аллегии территорий сопровождают важную сцену преподнесения персонификацией империи своему правителю регалий, которая периодически появлялась в искусстве XVIII века.

Степень участия царств в сюжете торжеств варьировалось. Сохранилось гравированное изображение новогоднего фейерверка 1755 года, где персонификации четырех царств являлись действующими лицами праздника и остались схематично запечатлены на гравюре. На главном плане была аллегорически представлена Российская империя, а над порталами амфитеатра висели гербовые щиты четырех царств. Из четырех порталов по сюжету фейерверка выходят «помянутыя четыре царства, и приближаются в действительном движении с своими кадильницами, держа одну руку у персей к среднему столбу чести». Судя по схематично изображенным гербам, справа выходят Астрахань и Москва, слева – Казань и Сибирь. Персонификации изображены в античных платьях с накидками (у одной из них, предположительно, Казанского царства, можно различить горностаевую мантию) и царских головных уборах. Е.Б. Дедова отмечает, что «четыре царства представляли собой объемные либо плоские изображения, установленные на специальных подвижных платформах» [\[27, с. 92, 183; Том II. Приложение, с. 72\]](#). В этом случае персонификации царств выступали как главные действующие персонажи.

Персонификация России могла быть действующим лицом, а персонификации территорий – пассивными дополняющими образами. Иногда персонификации территорий оставались «неодушевленными», когда их изображали в виде декоративных статуй, в то время как персонификация России являлась «одушевленным» активным действующим лицом. По сюжету новогоднего фейерверка 1756 года Любовь, Почтение, Верность и Покорность «купно с ревностью о благополучном новаго года пришествии радуясь приуготовляются с Россиею возжечь жертву своих желаний о всевысочайшем благополучии, о дражайшем здравии и многолетней жизни ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕЛИСАВЕТЫ Первыя Россия для возжжения сия жертвы становится с государственным щитом пред возвышенным над великолепною галлериею ХРАМОМ РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ, которая на нижних и верхних постаментах поставлены статуи с их гербовыми щитами

представляющая царства, великия княжества и прочия Российския империи области и провинции» (Я.Я. Штелин, «Описание и изъяснение увеселительного фейерверка... во изъяснение всеподданнейшаго при вступлении в Новый год поздравления сожжен пред новым Зимним императорским домом в Санктпетербурге в первый вечер 1756 года», СПб., 1756).

Эти аллегорические фигуры представлены в виде женщин в коронах (3 в императорских, 3 в королевских с зубцами), все с гербовыми щитами. Только одна из этих персонификаций, Астраханское царство, изображена в виде коронованного рыцаря в доспехах, а не в виде женщины в античном платье. Это редчайший случай в изображении персонификаций территорий, отсылающий, вероятно, к иконографии персонификации Российской империи в доспехах, возникшей в начале XVIII века [\[17, с. 309\]](#). Возможно, этот образ также был создан под влиянием герба царства – короны над мечом.

В этом фейерверке присутствовали и четыре части света. Помимо этого, в конце торжества была представлена еще одна картина с персонификациями территорий: *«вновь виден будет на зеленой амфитеатральной площади украшенной аллеями на подобие звезды сделанными, и обставленными статуями и щитами провинций Российския империи вышеописанной ХРАМ ЖЕЛАНИЙ РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ»* Она также была запечатлена на гравюре. Ближайшими к зрителю, следовательно важными по статусу, были представлены персонификации Казанского и Астраханского царств, за ними – фигуры Сибирского царства и, предположительно, Ижорской земли.

Тот же способ визуализации – персонификация России как действующее лицо, а персонификации царств в виде дополняющих сцену статуй – был использован во время фейерверка по случаю бракосочетания великого князя Павла Петровича с Натальей Алексеевной (11 октября 1773 г.). На гравюре неизвестного мастера («Увеселительных огней, представленных в окончание брачного торжества Их Императорских Высочеств, в Санкт-Петербурге, 1773 году октября дня [\[11\]](#) действие I фитильного огня», 1773) изображена персонификация Российской империи перед жертвенником. По сторонам сцены, между столбами Храма блаженства, поставлены статуи 4 царств с гербовыми щитами, 3 из них – в маленьких императорских коронах: слева – Московское царство в виде молодой девушки с убранными вверх волосами, через левое плечо переброшен плащ на цепочке, слева в нише – Астраханское царство в виде молодой девушки, прижавшей левую руку к груди; справа – Казанское царство в свободно ниспадающем платье с плащом, с длинными волнистыми волосами, справа в нише – Сибирское царство в свободном платье и царской шапке. Таким образом, в аллегорическом пространстве торжественного праздника могли одновременно встретиться персонификации четырех частей света, Российского государства и территорий Российской империи, причем Россия играла ведущую роль. Такое коллективное представление территорий империи в произведении искусства служило цели своего рода «хорового», совокупного прославления правителя.

Похожей, но не идентичной персонификациям царств аллегорической фигурой было олицетворение крупного **княжества**, а также **исторической области**. Царства были статусными территориальными единицами, имевшими важное символическое значение. В административном управлении они носили другое название, а в искусстве соответствующие территории фигурировали именно как царства и появлялись по значимым для Российского государства современным поводам, никак не связанным с историей вхождения этих царств в состав империи. Редкое исключение — это настольное

украшение Арабескового столового и десертного сервиза «Грузия под покровительством России» [28, с. 69] (Ж.-Д. Рашетт, по проекту князя А.А. Вяземского, при участии Н.А. Львова и Г.Р. Державина (?), 1784, фарфор, ГРМ), созданное после заключения Георгиевского трактата 1783 г., где каждая из персонификаций Российской империи и Грузии (Картли-Кахетинского царства) наделена короной и гербовым щитом Российской империи. Другие персонификации крупных земель, имевшие конкретный статус (княжество, историческая область) обычно появлялись по поводу их присоединения к Российской империи.

Эти изображения были необходимы для легитимизации новых территорий. В таких случаях аллегорические фигуры территорий могли изображать совокупность присоединенных земель, историческую область, как Карелия и Ливония на конклюдии Феофила Кролика и Василия Гоголева, посвященной победам в Северной войне (И.Ф. Зубов, М.Д. Карновский, 1707-1709). Карелия и Ливония изображены в платьях с накидками, с оливковыми ветвями в руках и ключами на подносах. Они представлены как молодые придворные дамы с модными прическами, приветствующие своего триумфатора, и лаконично обозначают новые территории. Княжество стоит особняком в визуальном ряду земель империи, поскольку присоединение княжества – исключительный случай. В облике этой аллегорической фигуры содержался акцент на княжеской атрибутике. Об этом можно судить по ретроспективному проекту медали последней трети XVIII века «Взятие княжества Молдавского» (из рукописного альбома Медальных комитетов, конец 1770-х – начало 1780-х гг. (?), завершён не ранее 1777 г., РНБ, Отдел рукописей, Ф. 550 ОСРК. F.IV.64. Л. 155), где были изображены *«на обороте: Россия, имеющая на главе городовую корону, облеченная в императорской Мантии, держит в левой руке знаки Победы и Силы, то есть: стрелу и ланец, подле своего Государственного герба. Перед Нею на коленях Молдавия в княжеской шапке и в княжеской епанче, повергает свой гербовой щит. Россия простирает ей руку. Позади Молдавии, Молдавский митрополит со святым крестом сопровождается молдавскими вельможами в подобострастном виде. Надпись: ВЗЯТА И ЗАЩИЩЕНА. в низу: Молдавия принята в покровительство 1739 года»*. Персонификация России на рисунке изображена справа, она чуть наклоняется к Молдавии, коленопреклоненной слева, и протягивает ей руку. Княжество Молдавия показывает Российской империи на свой лежащий на земле щит.

Также особый статус имела Таврическая область, присоединение которой осталось запечатленным в скульптурной и живописной форме. В «Аллегии присоединения Таврии к России», созданной по заказу императрицы (Мейсен, авторы модели: И.К. Шёнхайт, Х.Г. Юхтцер, 1780-е гг., бисквит, ГИМ), коленопреклоненная полуобнаженная девушка с щитом с надписью «Tavria» представлена перед персонификацией Российской империи, которая сидит на троне с орлом под пальмами. Новая часть империи прижимает руку к груди в знак своего почтения и любви и смотрит на портрет Екатерины II, а персонификация России протягивает к ней руку. На картине А.К. Гюне «Екатерина II дает законы Тавриде» (1791, ГМЗ «Царское село») по левую руку от трона императрицы изображена персонификация Тавриды в городской короне и царской мантии, которая опирается на большую амфору – символ виноделия. Она держит древко, обвитое лавром и увенчанное двуглавым орлом.

Подобные произведения, демонстрирующие присоединение земель с целью прославления правителя, существовали и в европейском искусстве. Например, на исполненном гравером Николя де Лармессеном фронтисписе календаря на 1668 год, объясняющем завоевания Людовика XIV, короля Франции, персонификация Фландрии

предлагает свое сердце королевской чете и великому дофину. Ее сопровождают улыбающиеся персонификации завоеванных территорий Фландрии, а у ног короля лежит покоренный испанский лев. Внизу композиции, в обрамлении картуша, также представлена персонификация Франции с книгой [29, с. 304-305]. Еще один яркий пример – аллегория на подчинение Фландрии Людовику XIV (календарь на 1659 г., Жан Ле Потр, Рейксмюсеум), где персонификация южных Нидерландов, переданная Испанией в результате Пиренейского мира 1659 года, преклоняется перед персонификацией Франции и протягивает к ней руку. Франция благосклонно приобнимает Фландрию и переодевает ее из испанского в модное французское платье, демонстрируя принятие новой территории.

Жан Ле Потр. Аллегория на подчинение Фландрии Людовику XIV. Календарь на 1659 г.

Рейсмюсеум, инв. № RP-P-2010-153. Источник: © Rijksmuseum, Amsterdam.

По сложившейся традиции **города и крепости** тоже изображали чаще всего в случае их вступления в состав империи. Нечасто изображали города, которые уже входили в состав страны. Потребность в разработке образов покоренных территорий и крепостей возникла в Петровское время. Их иконография была заимствована из европейского искусства и оставалась неизменной: города и крепости представляли женщины в городских коронах, с гербовым щитом или свитком, иногда с ключами. Их изображения имели высокую значимость, лаконичную наглядность и появлялись с начала XVIII века в разных видах искусства, например, в не сохранившихся монументальных декорациях государственных торжеств для прославления территориальных приобретений правителя. Согласно описанию триумфальных врат 1703 года «Торжественная врата, вводящая в храм бессмертных славы, непобедимому имени Нового в России Геркулеса, великого победителя Фракии», «океан, Хвалинское, Азовское и ныне обладано Фионское море державы своя, с левыя же страны Ливония, четыре начальнойшы грады – Шлютелбург,

Шлотбург, Ямбург и Капорие купно с собою, воинскою его царского пресветлаго величества силою понуждени, с поклонением его царскому пресветлому величеству...» [30, с. 143], предстают перед Аполлоном, символизирующим Петра I.

Особенно распространены были такие персонификации в графике (на картушах в составе карт новых земель) и в скульптуре (памятных медалей). На гравюре «Апофеоз на мир с Турцией в 1700 году» (А. Шхонебек, 1700-е гг., БАН) две женщины в современных платьях, богато расшитых мантиях, с украшениями и прическами с поклоном преподносят Петру I модели городских стен и ключ от них. Это персонификации двух взятых крепостей: *«взятые города [...] с радостию подкланяются»*, гласит надпись. Интересно использование европейским гравером богатого современного костюма, что было не характерно для персонификаций территорий в России XVIII века, но широко распространено в европейском искусстве. На «Плане осады крепости Шлиссельбург (Нотебург) 11 октября 1702 года» (А. Шхонебек, 1703) в верхнем картуше изображена коленопреклоненная персонификация крепости, преподносящая Марсу модель крепости и ключи. В правой части гравюры «Фейерверк 1 января 1704 года в Москве по случаю взятия Канцев (Ниеншанц) в 1703 г. Три фонаря с аллегорическими картинами» (А. Шхонебек, [1703], БАН, инв. № НИОРК 96гр.) изображена коленопреклоненная и протягивающая свои ключи крепость, решившая сдаться.

Помимо графики, изображения городов и крепостей часто появлялись в памятных медалях (например, медаль в честь взятия Дерпта 1704 г., медаль в честь взятия Нейшлота 1714 г.). Особенно интересны те случаи, когда персонификация города поклоняется перед правителем, который является воплощением страны и находится в одном аллегорическом пространстве с олицетворением города. Такая композиция представлена на медали, посвященной взятию Аренсбурга в 1710 г., где персонификация города преподносит государю модель и план крепостных стен, и медали в память Константинопольского мира 1700 г., причем здесь правитель изображен с гербовым щитом. Эта композиция была описана в альбоме Медальных комитетов под названием *«Заключенный с оттоманскою портою тридцатилетний мир»*: *«На обороте представлен его царское величество сидящий, а пред ним на коленях город Азов в образе жены, которая к нему яко побежденная и цепьми скованная приводится, при ней стоит мир, подающий единою рукою Государю мирный договор, а другою поднимающий вышеупомянутую коленопреклоненную жену с надписью: то есть Побежденных защищает»* (РНБ, Отдел рукописей. Ф. 550 ОСРК. F.IV.64. Л. 20).

На ретроспективном проекте медали «Взятие Баки», представленном в этом же альбоме, предполагаемая композиция описана так: *«На обороте, врата города Баку отверстыя, и перед ними на коленях жена Персидская, подносящая воину Российскому имеющему в руке обнаженный меч, городской ключ. Позади воина отрок держащий щит с гербом Российским. Надпись. Сим только спасается. в низу Город Баку взят 1723 года»* (РНБ, Отдел рукописей. Ф. 550 ОСРК. F.IV.64. Л. 109). Здесь персонификацией Российского государства стал «*воин Российский*». Аналогичной персонификацией был «*Российский герой*»: на проекте медали из того же альбома «Взятие крепости персидския Тарку» (1725) изображены *«на обороте: по сю сторону впереди на коленях персидская женщина (представляющая город) с лежащим подле нее щитом городским, пред Российским героем, вручающая ему городския ключи»* (РНБ, Отдел рукописей. Ф. 550 ОСРК. F.IV.64. Л. 126). Здесь у ног воина в шлеме с плюмажем и с мечом в правой руке изображены трофеи и на них российский гербовый щит. Подчиняющаяся территория – это по традиции чаще всего женская фигура, в то время как империю-победителя мог олицетворять и мужской образ, ассоциирующийся с военной мощью.

Кроме новоприобретенных городов и территорий, обычно предстающих перед государем или персонификацией государства, иногда в качестве самостоятельных образов могли представить важнейшие города Российской империи. Персонификация города Москвы, старой столицы империи, появлялась в искусстве нечасто, хотя существовала в литературе. Ее описывали как седую женщину в городской короне, что должно было символизировать древность Российского государства [\[31, с. 6-7\]](#). Одно из ее редких бесспорных изображений в виде аллегорической женской фигуры (правда, без указания на почтенный возраст) – это фейерверк в новый 1749 год перед Летним дворцом: *«у ворот сидит Москва в виде женщины в городской короне, на щит древняго своего герба опершись, и нетолько пристальным взором смотрит на явившееся ей вновь солнце, но и распростертою рукою показывает на весь город к изъявлению своей радости и к прославлению сего яснаго света. Другую рукою к оказанию сердечнаго своего удовольствия ударяет в грудь в веселии трепещущуюся»* (Я.Я. Штелин, «Описание и изъяснение фейерверка и иллюминации, при благополучном и всерадостном прибытии в Москву ея величества... Елисаветы Петровны... в новой 1749 год пред императорским Летним дворцом представленных», СПб., 1748). В начале XIX столетия в связи с Отечественной войной образ Москвы в виде женщины в русском костюме и с гербовым щитом [\[32, с. 119-122\]](#) приобретает особенно эмоциональное звучание и узнаваемые черты. Такой она предстанет на проекте медали А.Н. Оленина (1817) [\[33, №2\]](#), на медальоне Ф.П. Толстого «Освобождение Москвы. 1812 год» [\[34, с. 86, 90\]](#) (1819, ГРМ) и на рельефе триумфальной арки О. Бове (1829-1834).

И, наконец, наместничества (губернии) – крупные единицы современного административного управления, которые нечасто появлялись в искусстве. Важнее для изображения оказывались значимые для статуса империи территориальные единицы – царства или присоединенные исторические области и города. Наместничества были учреждены Екатериной II в 1775 году и на некоторое время, до упразднения Павлом I в 1796 году, сменили большинство губерний. Их аллегорические фигуры могли представить отдельно от персонификации империи или царства. Уникальный случай изображения целого ряда персонификаций наместничеств в рамках одного проекта – это атлас Российской империи 1792 года, исследованный Н.П. Финягиной [\[35\]](#).

Яркими аллегорическими фигурами из этого атласа, исполненными разными граверами по проектам А. Вильбрехта, являются персонификации Полоцкого наместничества (в виде женщины в венке, античной тунике и мантии с двуглавыми орлами, которая держит в руке ветвь вместо скипетра, с гербовым щитом), Симбирского наместничества (в виде девушки с полуобнаженной грудью, в античной тунике и мантии с двуглавыми орлами, в городской короне), Тамбовского наместничества (в виде статуи женщины в античном одеянии, с покрытой головой, которая держит в левой руке серп), Воронежского наместничества (в виде женщины в венке, античной тунике и накидке с двуглавыми орлами, которая держит в руке древко с парусом). Персонификация Таврической области в этом атласе представлена в античной тунике, с обнаженной грудью, в сопровождении Артемиды – с намеком на ее историческое прошлое, связанное с греческой античностью [\[35, с. 122\]](#).

Не всегда персонификациями земель становились привычные аллегорические женские фигуры с гербовыми щитами и коронами. Иногда ими становились распространенные народные типы, и в том числе мужские фигуры (что также было возможно в европейском искусстве): на карте Пензенского наместничества полотнище с названием карты поддерживают крестьянин и крестьянка, а герб наместничества держит маленький

крылатый гений, на карте Казанского наместничества изображен местный торговец, к которому подходит Меркурий.

Пример отдельного изображения наместничества удалось обнаружить в миниатюре – на крышке табакерки из собрания Музея Фаберже, которая обозначена в каталоге экспозиции музея («Музей Фаберже в Санкт-Петербурге. Указатель по экспозиции», 2014, Золотая гостиная, Витрина 03, № 22, с. 52) как «Табакерка с изображением Екатерины II» (неизвестный автор, Санкт-Петербург, около 1793, золото: чеканка, гравировка, живописная эмаль, выемчатая эмаль). На крышке изображена персонификация Тверского наместничества (или Твери) перед курящимся жертвенником, с чашей в руке, облаченная в розовое одеяние с синим плащом и корону, придерживающая правой рукой красный гербовый щит Твери (в червлёном поле золотой трон с короной на нем). Она предстает перед обелиском с вензелем «ОГ» и надписью «*Въ знакъ благодарности. 1793 ап[реля] 21*». Предположительно, табакерка была посвящена трудам Григория Михайловича Осипова на поприще правителя Тверского наместничества в 1784–1793/1794 [\[36, с. 130\]](#) гг. (указом 19 апреля 1793 г. ему была поручена должность Псковского генерал-губернатора [\[37, с. 179\]](#)).

Все приведенные примеры женских аллегорических фигур территорий обычно похожи друг на друга. Их облик зачастую был отражением облика персонификации страны: редко имея при себе царские атрибуты (они полагались только самым главным из них, например, персонификациям царств в составе империи), эти в большинстве случаев женские аллегорические фигуры в античных туниках были наделены в разных вариациях государственными мантиями, городскими коронами и гербами собственных территорий. В отличие от персонификации страны, их даже могли представить полуобнаженными (за исключением царств). Царства – это важнейшие для титула исторические территории, связанные со статусом империи. Поэтому их изображали в произведениях, посвященных наиболее важным для Российского государства событиям. Иные статусно значимые территориальные единицы (исторические области, города, крепости) обычно изображали в связи с присоединением. Единицы современного административного деления могли изобразить в виде персонификации на утилитарном предмете – на карте.

Большинство изображений персонификаций Российской империи с аллегорическими фигурами входящих в ее состав земель не сохранились. Как следует из немногих сохранившихся примеров, в таких случаях персонификация Российской империи всегда играла доминирующую роль, а персонификации территорий в ее составе сопровождали ее в качестве свиты. Совместные изображения персонификаций империи и ее владений всегда были связаны с событиями государственного значения: наглядное выражение покорности персонифицированных территорий власти императора или их печали по случаю утраты правителя было способом прославить могущество Российской империи и ее государя на языке аллегории.

Библиография

1. Артамонов В. А. От царства к империи. Изменение державной мощи России при Петре Великом // Пётр Великий - реформатор России. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Выпуск XIII. М.: [б. и.], 2001. С. 34-39.
2. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.
3. Хитров Д.А. Реформа административного деления Екатерины II в Московском регионе (Reforma administrativnogo deleniia Ekateriny II v moskovskom regione) // Cahiers du Monde Russe. 2021. № 62/1. P. 137-158. DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.12380>

4. Глаголева О. Провинция как центр: формирование локальной идентичности по материалам участия провинциального дворянства в кампании по созыву Уложенной комиссии 1767-1774 годов // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 76-92.
5. Сандерленд В. Введение. Регионы Российской империи: проблемы дефиниции // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С.7-29.
6. Пчелов Е.В. «Всадник означает самого царя, побеждающего врагов...»: Как изменялся герб России в эпоху Петра Великого // Родина. 2022. № 12. С. 98–101.
7. Пчелов Е.В. Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2008. Ч.1. С. 121-136.
8. Болтунова Е. М. Последний польский король : коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII - начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
9. Аронова А. А. Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I — Екатерина II // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 8 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 185–202.
10. Мишина Е. А. Русская гравюра XVII - начала XVIII века. СПб.: APC, 2020.
11. Лазарчук Р.М. Официальный праздник в российской провинции последней трети XVIII века (идеология, эстетика, культура) // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.,: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2010. С. 325-355.
12. Засодимский М. Краткое описание процессии, при отправлении в доме преосвященнейшего Ириней, епископа Вологодского, торжества о замирении России с Оттоманскою Портою, в 10-й день июля, 1775 года // Прибавления к «Вологодским епархиальным ведомостям». 1866. 15 июля. № 14. С. 529-556.
13. Тюхменева Е. А. Репрезентация царских регалий в праздничном убранстве города в России. Эпоха Екатерины II // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 243–254.
14. Тюхменева Е. А., Быкова Ю. И. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время : церемонии, регалии, украшения. М.: БуксМАрт, 2022.
15. Skvortcova E. A. Stephano Torelli's "Coronation Portrait of Catherine II": Crowns as a Visual Formula of the Lands of the Russian Empire // Vestnik of Saint Petersburg State University. Arts. 2020. V. 10. №2. PP. 274-299.
16. Лакомб де Презель О. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев. С французского переведен Академии наук переводчиком Иваном Акимовым. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763.
17. Чебакова П. А.; Скворцова Е. А. Персонификация России в искусстве XVIII века: идея и способ визуализации // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 304–317.
18. Махов А. Е. Эмблематика : макрокосм. М.: INTRADA, 2014.
19. Тюхменева Е.А. Печальные торжества Петра I: принципы художественного оформления и их развитие в императорском погребальном церемониале XVIII в. //

- Культура и искусство. 2020. № 12. С.79-98. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.12.34466 URL: https://e-notabene.ru/camag/article_34466.html
20. Титов А.А. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга, с 1751 по 1762 г., сочиненное А. Богдановым. М.: Товарищество типо-литографии И. М. Машистова, 1903.
21. Аронова А.А. Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. №3. С. 98-135.
22. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейша державнейша великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: печ. при Императорской акад. наук, 1744.
23. Маркова Н.К. Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Третьяковская галерея. 2011. № 1(30). С. 4-21.
24. Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века : проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
25. Берк К.Р. Путевые заметки о России [пер. Ю. Н. Беспятых] // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997. С. 111-302.
26. Малиновский К. В. Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крига, 2008.
27. Дедова Е.Б. Аллегорические образы в искусстве фейерверков и иллюминаций в России XVIII века. К проблеме панегирического направления в художественной культуре елизаветинского времени. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М.: [б. и.], 2011.
28. Екатерина Великая в стране и в мире / Альманах. Вып. 519. СПб.: Palace Editions, 2017.
29. Montaner E. Politics and Diplomacy: Emblems during the War of Devolution in the Minority of Charles II of Spain // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2007. Vol. 70 (2007). P. 287-306.
30. Русская старопечатная литература. XVI – первая четверть XVIII в. Панегирическая литература петровского времени / В. П. Гребенюк, О. А. Державина. М.: Наука, 1979.
31. Altshuller M. Петербург глазами одописцев XVIII века // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Witttenberg, 2004. Berlin: Lit, 2008. P. 3-16.
32. Волкова У.М. Москва в русском медальерном искусстве // Искусство Евразии. 2020. №2 (17). С. 116-125.
33. Оленин А. Н. Опыт о правилах медальерного искусства : с описанием проектов медалей на знаменитейшие происшествия с 1812 по 1816 год, и трех проектов памятника из огнестрельных орудий, отбитых у неприятелей в 1812 году. СПб.: Тип. Имп. театра, 1817.
34. Клишевич Е.А. «Жена Россиянка» - образ военного времени, идеал романтизма // Научные труды : проблемы развития отечественного искусства. СПб.: С.-Петербург. акад. художеств, 2020. Вып. 52. С. 84-92.
35. Финягина Н. П. Сюжетные картуши Российского атласа 1792 года. М.: ФГУК «Государственный Исторический музей», 2006.
36. Тверь в записках путешественников XVI–XIX веков / составление, вступительная статья, биографические справки, подготовка текста и комментарии Е. Г. Милюгиной, М. В. Строганова. Тверь: Книжный клуб, 2012.
37. Болховитинов Е.А. История княжества Псковского. Часть 4. Киев: Типография Киево-

Печерской Лавры, 1831.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Культура и искусство» автор представил свою статью «Фигуры «с их гербовыми щитами представляющие царства, великия княжества и прочия Российския империи области и провинции»: персонификации территорий в русском искусстве XVIII века», в которой проведено исследование выразительных аллегорических средств для отображения уникальных признаков российских территорий.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что территориальные единицы Российской империи – как исторические, так и современные – получили отражение в искусстве XVIII века. Самым распространенным способом визуального представления иерархии территорий внутри Российской империи были гербы, которые обозначали принадлежность территории к государству или всю страну в целом. Еще одно символическое воплощение территории – изображение короны (или царского венца, «шапки»), символизирующей территориальную единицу в церемониале и в парадном портрете. В-третьих, это персонификации территорий, которое автор считает наиболее распространенным воплощением. Совокупность аллегорических фигур – и Российского государства, и территорий империи – была отражением титулатуры российских правителей в искусстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения выразительных средств, посвященных событиям, имеющим важное историческое и политическое значение.

Цель статьи заключается в выявлении и характеристике аллегорических фигур в произведениях искусства (отдельно или совместно с персонификацией России). Для достижения цели автор ставит следующие задачи: описание иконографии; сопоставление с аллегорической фигурой страны; анализ их особенностей аллегорических фигур в конкретных произведениях русского искусства.

Методологическую базу составил комплексный подход, включивший в себя исторический, художественный, стилистический и иконографический анализ. Теоретическим обоснованием послужили труды таких российских исследователей как Пчелов Е.В., Лазарчук Р.М., Тюхменева Е.А., Дедова Е.Б. и др. Эмпирическим материалом явились образцы гравюр и персонифицированных изображений Российской империи и ее территориальных единиц, а также путевые заметки и свидетельства мыслителей XVIII века.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор делает заключение о том, что если персонификации России в отечественном искусствознании было уделено внимание, то персонификации территорий в русском искусстве XVIII века попадали в поле зрения исследователей лишь эпизодически. Научную новизну данного исследования составляет обобщение и характеристика аллегорических изображений административно-территориальных единиц Российской империи XVIII века.

Автор связывает начальное появление в русском искусстве персонификации территорий и культурно-географических понятий (четырёх частей света) рубеже XVII–XVIII века с появлением завезенных западноевропейских образцов. Российскую империю, по аналогии с другими странами, воплощала особая персонификация. В большинстве случаев автор отмечает единоличное изображение персонифицированной Российской империи, но им описан и тип изображений, где территории в составе государства тоже

обозначались в виде персонификаций. Все изображения были кодифицированы и изданы в «Иконологическом лексиконе» О. Лакомба де Презеля в 1756 году. В лексиконе были суммированы известные сведения об их иконографии, и он служил для художников вспомогательным изданием.

Автором проведен детальный художественный и стилистический анализ сохранившихся образцов или описаний изображений персонификаций царств: декорация придворных торжественных церемоний, фейерверков и триумфальных врат.

Автор отмечает существование единого канона персонифицированного изображения империи, царств и других территориальных единиц, который нес особое символическое значение в контексте государственной политики. Им указано сходство во внешнем облике и атрибутах этих персонификаций: их представляли чаще всего в виде молодых женщин в античных одеяниях, с соответствующими гербовыми щитами, иногда со знаками власти (короны, мантии). Совместные изображения персонификаций империи и ее владений всегда были связаны с событиями государственного значения: наглядное выражение покорности персонифицированных территорий власти императора или их печали по случаю утраты правителя было способом прославить могущество Российской империи и ее государя на языке аллегории.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение процесса формирования художественных выразительных средств, отображающих знаковые исторические и политические события, представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует также адекватный выбор соответствующей методологической базы. Библиография исследования составила 37 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Представляется, что автор выполнил поставленную цель, показал глубокое знание предмета исследования, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.